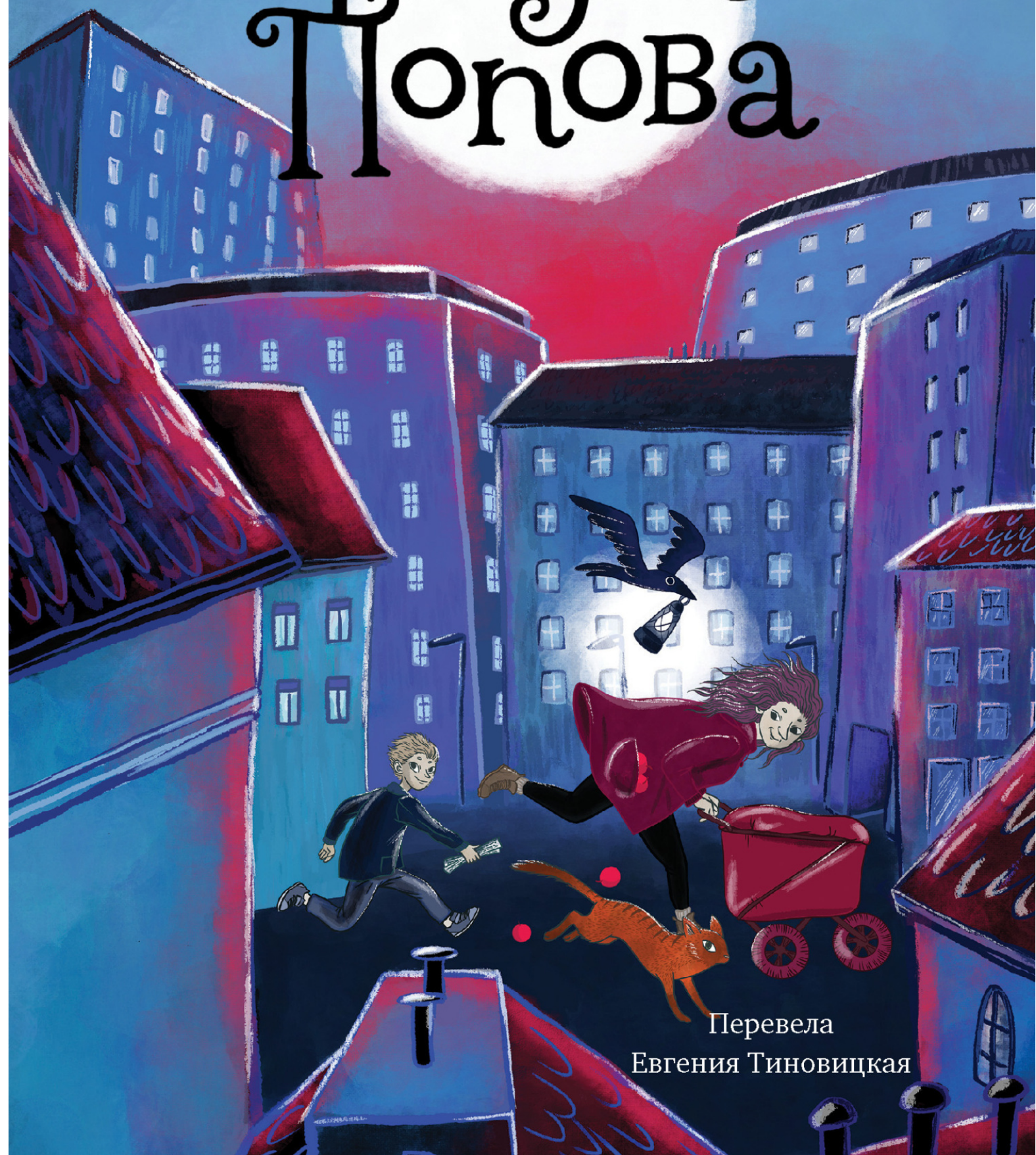

Анъя Портин

Радио Попова

Перевела
Евгения Тиновицкая

Лучшая новая книжка

Аня Портин
Радио Попова

«Самокат»

2020

Портин А.

Радио Попова / А. Портин — «Самокат», 2020 — (Лучшая новая книжка)

ISBN 978-5-00167-516-7

Девятилетний Альфред живет практически один: маму он не помнит, а отец, со своими вечными командировками, сам едва замечает, что у него есть сын. Забыть перед отъездом, что ребенку надо оставить хотя бы деньги на еду? Легко! Но однажды голодной бессонной ночью в щель для писем падает газета, а вместе с ней яблоко, шерстяные носки и бутерброд. И с этого момента начинается незабываемое приключение, которое меняет всё — как мы скоро узнаем, не только для Альфреда. В доме Аманды Шелест — загадочной разносчицы газет и бутербродов, чьи чуткие уши умеют ловить вздохи Забытых, — Альфред находит старинное радио, оставленное здесь 120 лет назад русским физиком А. С. Поповым. Неожиданно для себя Альфред становится ведущим ночной секретной радиопередачи, которую слушают все остальные забытые дети в городе. За книгу «Радио Попова» финская писательница Аня Портин получила престижную литературную премию «Финляндия» в области детской и юношеской литературы в 2020 году.

ISBN 978-5-00167-516-7

© Портин А., 2020

© Самокат, 2020

Содержание

Ночной гость	6
Аманда	9
В глуши	12
Коробка	16
Друг тетки Ольги	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Аня Портин Радио Попова

Original title: Radio Popov

Text © Anja Portin 2020

Illustrations and cover © Miila Westin 2020

Published originally in Finnish by S&S

Published by agreement with Helsinki Literary Agency

© Евгения Тиновицкая, перевод, 2023

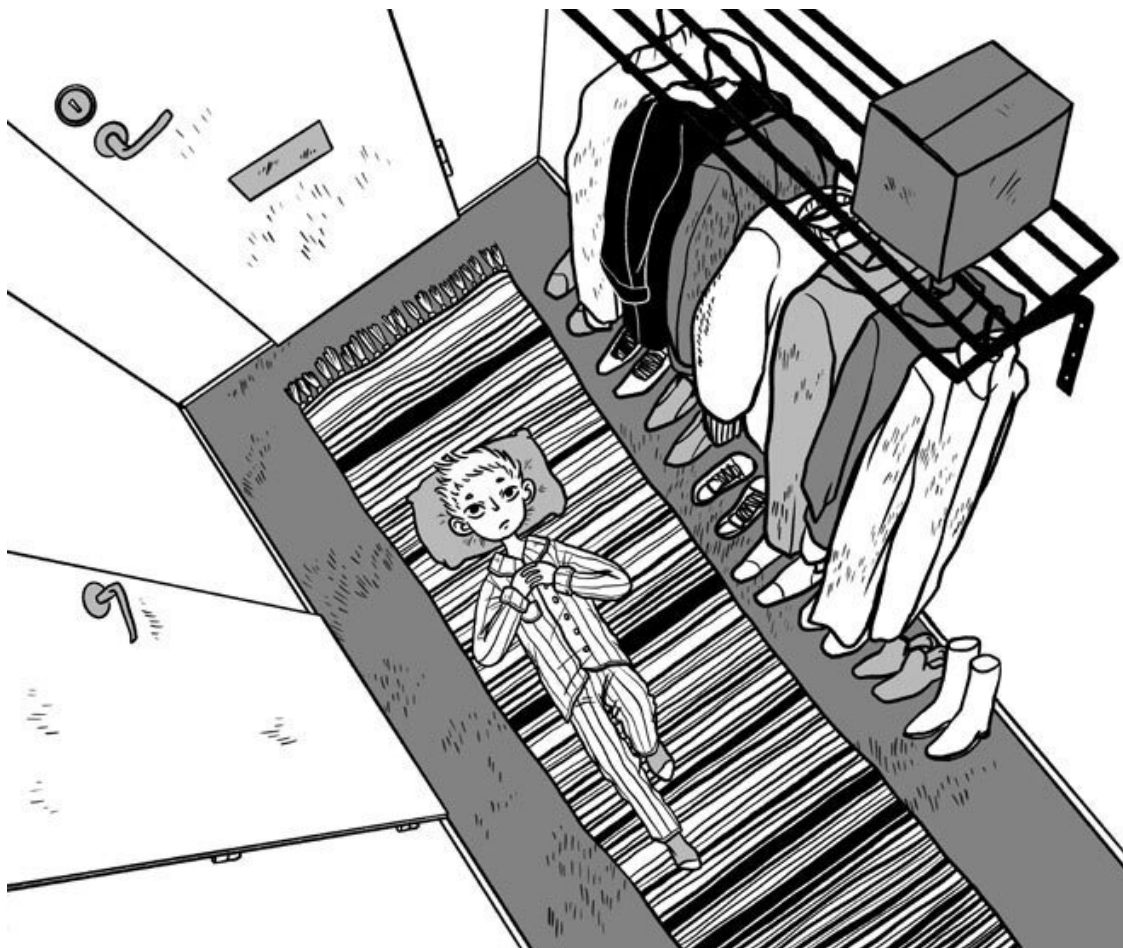
© Марина Бородинская, стихотворный перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «Самокат», 2023

Ночной гость

Меня зовут Альфред. Альфред Забытый, я и есть рассказчик этой истории. Все рассказчики знают, что у истории должно быть начало. Что-то, с чего все завертелось и понеслось. Некоторые истории начинаются с событий значительных – как, например, извержение вулкана, чья-то смерть или, наоборот, рождение. Или кто-нибудь получает очень странное письмо. А бывает, что история начинается практически из ничего, из одной мысли, которая вдруг пришла в голову: что если встать с кровати и пойти спать в прихожую, может, хоть там удастся заснуть? Вот у меня в ту октябрьскую ночь все так и началось.

Я уже перепробовал все, что только можно. Открывал окно, переворачивал подушку. Надел носки, снял носки. Попил воды, сходил в туалет, съел половину маринованного огурца, попил еще раз. Ничего не помогало, тогда я взял под мышку одеяло и подушку и пошел в прихожую. Вытянулся на шершавом коврике, сунул подушку под голову, а под подушку фонарик, я его часто носил в кармане пижамы. Коврик не пылесосили целую вечность. Мелкие камушки впивались в спину, а комки уличной грязи рассыпались подо мной в пыль, но в целом жить можно. Хоть какое-то разнообразие в бессонную ночь.

Я лежал на полу и вслушивался в ночные звуки. В батарее побулькивало, ветки деревьев скребли коготками в кухонное окно. Больше ничего слышно не было. А, нет, еще у меня урчало в животе. От голода. Ужасно хотелось есть.

Я жил с отцом в доме номер четыре по Керамической улице. Хотя «жил», наверное, надо взять в кавычки. Точнее, в кавычки надо взять «с отцом», потому что отец как раз дома бывал очень редко. То есть считалось, что я живу с ним вместе в просторной квартире многоэтажки, а на самом деле я просто хранился, как на складе, в пространстве из трех комнат и кухни, пока отца не было дома.

На этот раз с отцовского отъезда прошел уже месяц, а то и больше – я сбился со счета. Уезжал отец, по его словам, «заниматься бизнесом» или «на важные переговоры» куда-нибудь на край света. То в Италию, то в Мексику, то на Бали. Куда конкретно и когда вернется, он не рассказывал. В один прекрасный день он просто возник на пороге, вытаскивал из чемодана какую-нибудь ужасную вазу или статуэтку и водружал на книжную полку. А потом заваливался на диван, а потом снова подсказывал с него, когда приходило время уезжать.

Обычно перед отъездом отец закупал еды, но в этот раз забыл. Я думал, что он оставил мне денег, и даже обрадовался – в кои-то веки смогу сам выбрать, что поесть. Не макароны или хлебцы, нет уж, я купил бы фруктов, и сыра, и свежих булочек, таких, чтобы аж пальцам было горячо! Я залез в шкаф под раковиной и достал ржавую жестяную коробку, в которой отец держал деньги на хозяйственные расходы. Увы, в коробке осталось лишь несколько монеток – только-только на сухари и туалетную бумагу.

Пришлось как следует изучить кухонные шкафы. Я нашел рис, макароны, сухари. Кетчуп, несколько маринованных огурцов в банке, черствую булочку. Чай в пакетиках и мед. Но теперь запасы подходили к концу. Днем я сварил последние макароны и ножом выковырял из бутылки остатки кетчупа. На ужин у меня был сухарь и подслащенный медом эрл грей – папин любимый чай (сам я его терпеть не могу). Чай пришлось заварить горячей водой из-под крана – чайник не работал. Потому что электричество отключили как раз после того, как я сварил макароны, – отец, видимо, забыл за него заплатить.

В общем, я лежал на полу, чувствуя под спиной камешки, рядом с чашкой недозаваренного чая, и вдруг на лестнице послышались шаги. Потом шаги прекратились и что-то стукнуло. И потом опять шаги, пауза, БУМК! Шаги, пауза, БУМК! В последний раз шаги остановились прямо у моей двери. Теперь ночной гость был от меня на расстоянии вытянутой руки. Я боялся, что живот заурчит и выдаст меня, но в последний момент обошлось.

Я облегченно вздохнул. А может, это был вздох усталости и тревоги. Наверное, всё вместе. Бывает, что для вдоха есть сразу много причин.

По ту сторону двери стало тихо. Я затаил дыхание и прислушался. Тот, кто был за дверью, похоже, сделал то же самое. Я попытался успокоиться, но у меня снова вырвался вздох. Глубокий, как колодец.

За дверью зашуршало.

Я перевел дух и прошептал:

– Кто там?

Молчат. Наверное, не услышали.

– Кто там? – повторил я и приложил ухо к двери.

На лестнице было тихо как в могиле, потом крышка щели для писем хлопнула, и на пол что-то упало. Я нащупал под подушкой фонарик и посветил. Под дверью лежала газета.

Значит, это почтальон. Ошибся дверью. Отец давно ничего не выписывал, он же все равно всегда в отъезде. Он и не знал, что я люблю газеты. Периодически достаю из мусора старые и читаю их от первой до последней страницы. Газета, упавшая в щель для почты, показала мне свалившимся с неба сокровищем, ведь это моя единственная связь с миром. Электричества-то нет, телефон зарядить нельзя, вообще ничего не работает – ни телевизор, ни компьютер, ни один прибор.

Я раскрыл было газету, чтобы погрузиться в мировые события, представить себя частью происходящего. Чтобы вокруг шумели человеческие голоса, проходили предвыборные кампа-

нии, революции и демонстрации. Чтобы затесаться в стайку школьников, которые слоняются по торговому центру, или оказаться на трибунах рядом с футбольными болельщиками. Среди ураганов, извержений вулканов и несущихся с неба метеоритов... Больше я ничего представить не успел, потому что из газеты выкатилось на пол маленькое краснощекое яблоко. Я подхватил его, откусил и снова взялся за газету. Она была какая-то слишком увесистая. Я развернул страницы и посветил фонариком. В развороте оказались серые шерстяные носки и завернутый в бумагу бутерброд. Я с изумлением уставился на свою находку. Почтальон забыл в газетах свой завтрак? Или это чья-то дурацкая шутка? Носки я все-таки надел: чистые, теплые, с тремя полосками – синей, красной и зеленой. Потом жадно вгрызся в бутерброд – хлеб был с овсяными хлопьями, чуть размякший от ломтика огурца, – и только тогда вспомнил, что за дверью кто-то есть. Я вскочил и распахнул дверь. В коридоре было темно и тихо. Ночной гость исчез.

Аманда

На следующую ночь я опять пошел спать в прихожую. Вдруг он явится снова? И бросит в щель для почты бутерброд? Телефон у меня разрядился, но батарейка в будильнике еще работала. Я поставил будильник на пол и стал следить за стрелками. Я ждал, когда они дотикают до половины третьего – это когда странный гость приходил вчера.

Время ползло едва-едва, в животе урчало. Было воскресенье, так что за весь день я ел, кроме ночного бутерброда, угадайте что? Правильно, сухари и маринованные огурцы! Теперь поесть горячего удастся только через неделю – с завтрашнего дня в школе начинаются каникулы. От мысли о горячей еде меня даже замутило. Всю неделю питаться огурцами с сухарями? Или сухарями с огурцами? Или по очереди сухари, огурцы и заваренный водой из-под крана эрл грей? Бр-р! Надо что-то придумать, а то можно и не дотянуть до конца каникул. Может, напроситься к кому-нибудь сгребать листья с лужайки? Или попробовать изображать памятник? Я видел в городе одного такого, выкрашенного серебряной краской.

К счастью, скоро мысли мои приняли другой оборот. Внизу хлопнула дверь подъезда, и с лестничной клетки донеслись знакомые звуки. Шаги, пауза, БУМК! Шаги, пауза, БУМК! Я встал, подкрался к двери и прижался к ней ухом. Послышалось еще несколько осторожных шагов, и стало тихо. Ночной гость стоял за моей дверью. Если бы дверь вдруг растворилась в воздухе, мы бы, наверное, прижались ушами друг к другу. От этой мысли я вздрогнул. Что ему нужно? Он во все квартиры рассовывает бутерброды, или его интересую только я? Хочет заманить меня в ловушку?

Меня тут же начали одолевать ужасные мысли. Такой уж я человек. Подозрительный. Когда остаюсь один, сразу начинаю что-нибудь подозревать. Вообще сложно предположить, что у тех, кто бродит по ночам, может быть на уме что-то хорошее. Наверное, эти носки и бутерброд были не к добру. Наверное, меня хотели напугать. Или даже отравить. Теперь я буду умирать медленно и мучительно. Да-да, и такое возможно! Но сдаваться я не собираюсь, по крайней мере пока. «Лучшая оборона – нападение», – сказал как-то отец туго набитому чемодану, налегая на него коленкой. Я пытался задерживать дыхание, но в конце концов оно вырвалось, вздох пронесся сквозь меня, как порыв ветра сквозь туннель, и втянулся в стены прихожей, и вся она будто вздрогнула. Хлопнула крышка почтовой щели, и на пол упала газета.

– Лучшая оборона – нападение, – прошептал я, распахнул дверь и выбежал в коридор прямо навстречу ночному гостю.

Гость охнул и отскочил. Я схватил его за низ куртки, чтобы не убежал. От моего рывка гость пошатнулся, и из рук у него что-то посыпалось. Я опустил глаза – оказалось, по полу раскатились некрупные яблоки. Гость что-то пробормотал и наклонился, чтобы их собрать, а поскольку я все еще висел у него на куртке, то и я повалился на пол вслед за яблоками. Привстал на четвереньки, и тут ночной гость резко вскинул голову, боднув меня в подбородок – так сильно, что я даже забыл, что, возможно, нахожусь наедине с опасным преступником.

– И-извините, – проблеял я.

Гость даже не взглянул на меня – он продолжал собирать яблоки в висевшую на плече сумку. Я не придумал ничего лучше, как начать ему помогать. Одно яблоко я сунул тайком в карман пижамы, а остальные отдал хозяину.

– Спасибо. – Гость встал.

Он одернул куртку, пробормотал что-то про выскакивающих под ноги детей и выпрямился. Было так темно, что я не мог рассмотреть лица, но судя по голосу, это была гостья и у нее болело горло. Она была невысокая и опасной не выглядела, так что я тоже поднялся. Она наклонила голову и взглядела в меня. Я готов был, как заяц, рвануть обратно в прихожую,

но что-то меня задержало. Может, если подождать еще немножко, удастся разобраться, что к чему.

– Успокойся, Антеро, – слышалось из темноты. – Я тебя не съем.

– Антеро?

– А ты разве не...

Внимательные глаза снова вгляделись в меня.

– Альфред, – подсказал я. – Так меня называют в школе.

– Называют, гм-м... Это твое настоящее имя?

– Не знаю. Наверное.

– Что значит «наверное»? В твоём возрасте пора бы уже знать, как тебя зовут.

Я ссутулился. Сунул руки в карманы пижамы и так стиснул одной рукой яблоко, что прорвал ногтями кожицу. Смелость, которая только что светилась и переливалась внутри меня, как полная луна, погасла и растаяла.

– Ну же, – подбодрили меня. – Не так уж это страшно – сказать, как тебя зовут.

На меня словно наплыло темное облако, и стало все равно. Все равно я умру с голоду, когда закончатся маринованные огурцы и сухари, так почему бы не рассказать правду? А правда заключалась в том, что дома никто не называл меня по имени. Если отец ко мне и обращался, это всегда было во множественном числе, и я понимал, что он говорит со мной, только потому, что больше в квартире никого не было. «А теперь доедаем все, что у нас в тарелке», «Выходим из туалета побыстрее, выходим», «Похоже, контрольные мы написали неплохо», «В мое отсутствие будем вести себя хорошо, верно?» Когда я пошел в первый класс и учительница спросила, как меня зовут, я неуверенно пробормотал: «А-а...» Она, не отрывая взгляда от бумаг, кивнула: «Значит, Альфред». И все стали звать меня Альфредом.

– Так и есть, – покачала головой ночная гостья, когда я закончил.

– В каком смысле?

– Ты из них.

– Из кого?

– Из Забытых. – Ночная гостья вздохнула. – Ну что же, Альфред. Мне пора идти.

– Но почему?.. – заторопился я, не зная даже еще, что спрошу.

– Потому что люди ждут. Надо до утра разнести газеты, не то будет выговор.

– Я хотел спросить... Почему вчера в газете было... Были...

– Носки, яблоко и бутерброд, если мне не изменяет память. – Гостья уже спускалась по лестнице. – Сегодня у меня только яблоки, да и те рассыпались. Хорошо, что остальные уже получили свое. Ты сегодня последний.

Что за остальные? Что она разносит, в самом-то деле, газеты или яблоки? Гостья была уже внизу, когда я спохватился:

– Подождите меня!

– Не подожду, – отрезала она, ускоряя шаг.

– Эй, не уходите!

Я забежал в квартиру, сунул ноги в кроссовки, схватил с крючка куртку и бросился на лестницу. По пути задел лежавшую на полу газету, из нее выкатилось аккуратное яблочко. Я сунул его в карман, захлопнул дверь и бросился за ночной гостьей. Она была уже на улице, шагала к соседнему подъезду. Я успел забежать за ней в подъезд, пока дверь не захлопнулась. Она не обратила на меня никакого внимания, продолжала торопливо рассовывать по квартирам газеты. На этот раз они были обычные, не пухлые, и яблочко из них не выпадало.

Наконец она вышла из подъезда, взяла свою тележку и пошла по тротуару. Я не отставал.

– Не ходи за мной, – буркнула она, ускоряя шаг.

– А вот и пойду.

– Нельзя бегать по улицам в пижаме. Иди домой.

– Не могу. Я забыл ключи.

– Значит, придется позвонить в дверь и разбудить родителей.

– У меня нет родителей. Ну, то есть можно сказать, что нет...

– Можно сказать?

– Ну просто... Просто я не знаю, где они. – Я собрался с духом, прежде чем продолжить. – Маму я не знал с рождения, а отец в командировке, и последний раз мы виделись... Кажется, в августе.

Ночная гостья остановилась и посмотрела на меня. В свете уличного фонаря я наконец разглядел ее лицо. Ей было лет пятьдесят. Над зелеными глазами нависали густые брови. Волосы тоже были густые и топорщились в разные стороны, а из-под них торчали большие уши.

Она изучила меня и медленно кивнула:

– Категория средней тяжести.

– Что?

– Ты относишься к категории средней тяжести.

– Это как?

– Полностью забытые, но высокофункциональные дети, – отчеканила она и снова покачала свою тележку. – Для тебя еще не все потеряно!

Тележка чуть поскрипывала на ходу. Я с удивлением посмотрел вслед ночной гостье. Полностью забытый. Высокофункциональный. Категория средней тяжести. Что это за категории, откуда они вообще взялись? Кто она такая, чтобы меня к ним причислить? Забытый – это еще понятно. А функциональный? И какие еще категории бывают?

Гостья удалялась вместе с тележкой. Ночной ветер носил по тротуару кленовые листья, они шуршали под колесами. Порыв ветра задрал верх моей пижамы до подмышек, обдувая бока. Я застегнул куртку на молнию и почти бегом поспешил следом. Ночная гостья окинула меня взглядом из-под бровей, но ничего не сказала. Я торопливо шагал за ней, понятия не имея куда, но почему-то меня это не тревожило. Лучше уж бежать по ночной улице, чем валяться дома без сна. Воздух был свежий, пахло осенью, и дышалось легко.

На перекрестке ночная гостья остановилась и обернулась ко мне.

– Ладно, Альфред. – Она стиснула ручку тележки так, что в свете уличного фонаря мелькнули побелевшие костяшки, – можешь пойти со мной, но обещай, что будешь помогать.

– Буду, – кивнул я и быстро добавил, чтобы она не передумала: – Я много всего умею. Я хорошо читаю и считаю. Могу мыть посуду, варить кофе, жарить яичницу, везти тележку...

– Меня зовут Аманда, – сказала она. – Аманда Шелест.

В глуши

Кажется, этой ночью в воздухе носилось что-то необычное. Что-то волнующее. Я не знал, радоваться или пугаться тому, что вот сейчас иду в ночи неизвестно с кем по улице, в пижаме. От волнения я не замечал, куда мы идем, просто шел следом за Амандой и ее тележкой. Кажется, мы обходили сонные кварталы, огибая магазины, детские площадки и автобусные остановки. Кажется, мы прошли много километров. Кажется, иногда мы спотыкались на узких тропинках. Кажется, ночь постепенно становилась ранним утром.

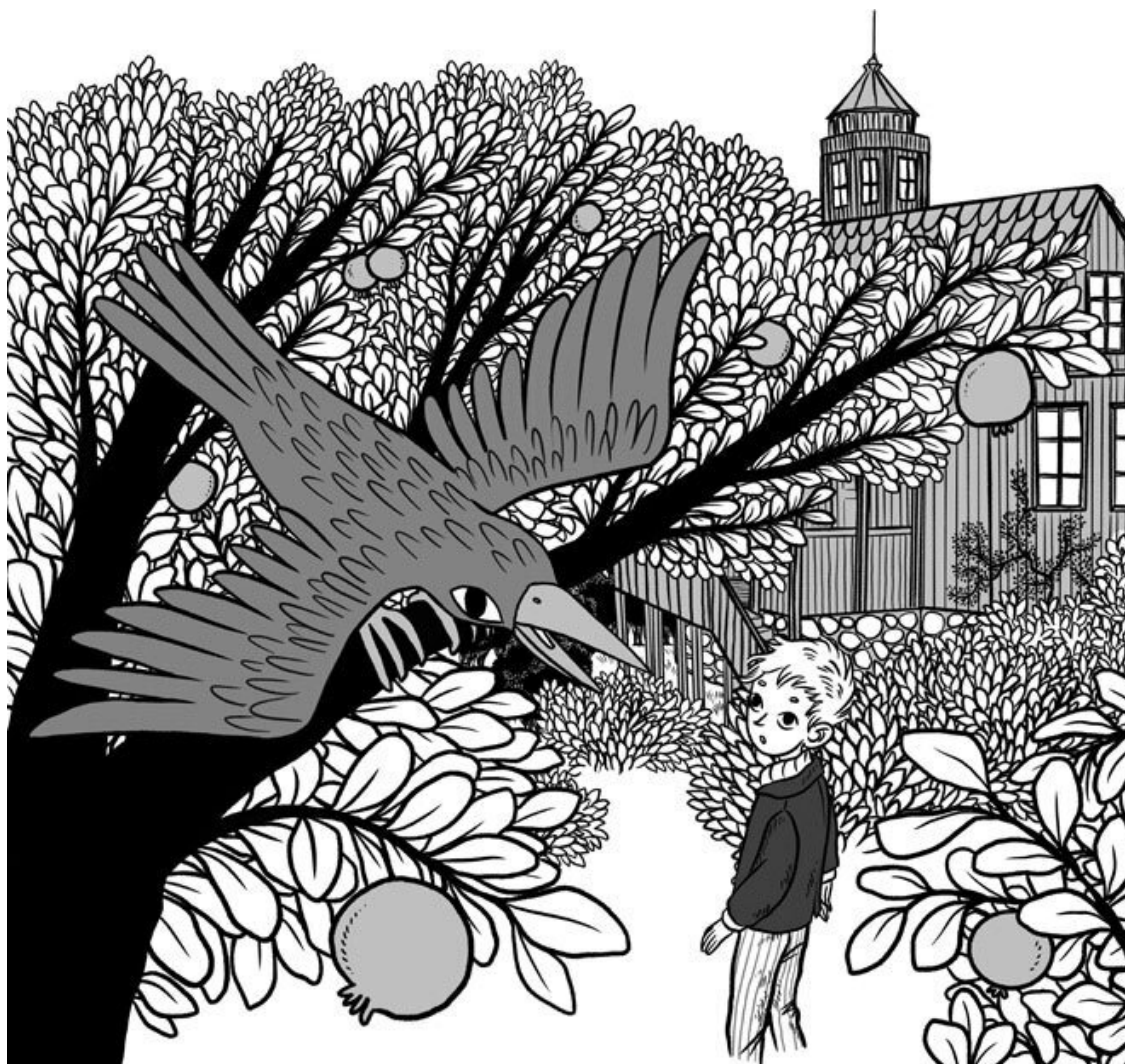
Я опомнился, только когда фонари погасли и мы оказались в узком проулке с приземистыми металлическими сараями, вроде гаражей. Было так тихо, словно сюда никогда не забредало ни одно живое существо. Пахло ржавчиной и влажной землей. Мы прошли по дорожке между гаражами до лужайки, окруженной густым кустарником. Аманда зашагала через лужайку, юркая тележка то и дело подскакивала на глиняных кочках, из которых топорщились сухие коричневые стебли купыря и чертополоха. На другом краю лужайки высилась живая изгородь – густо посаженные елки. Аманда решительно двинулась вдоль них, но вдруг резко свернула и вместе с тележкой нырнула прямо в изгородь.

Я растерянно разглядывал ветки, которые слегка качнулись и тут же сомкнулись у Аманды за спиной в плотную стену. Казалось, елки просто проглотили ее. И что теперь делать? Возвращаться домой в свою унылую жизнь? Или шагнуть сквозь елки в неизвестность? Родной дом не слишком манил, да и найти туда дорогу теперь вряд ли удастся – поэтому я перевел дух и устремился к елкам. Они держались друг за друга ветками, словно колючими пальцами, и слегка царапали лицо. Но зато между двумя стволами я разглядел отверстие, в которое идеально вписалась бы тележка. Я прикрыл руками лицо и полез.

За изгородью меня ждал сюрприз. Там оказалось довольно светло. Прямо передо мной тесно росли кривые старые яблони, ветки гнулись под тяжестью яблок. Свет шел от развешанных по веткам фонарей. В желтоватом свете между деревьями виднелась тропинка, а в конце тропинки – старый деревянный дом с покосившимся крыльцом. На крыльце тоже гостеприимно горели фонари.

– Кар-р-р!

Я обернулся на звук. Большая ворона, сидевшая на яблоне, посмотрела на меня угольно-черными глазами, а потом гордо отвернулась в сторону дома. Как потом выяснилось, она просто сообщала мне, что я прибыл по адресу – во владения хозяйки яблочного сада Аманды Шелест.

Аманда Шелест жила в деревянном доме брусничного цвета в Глуши, вдали от любопытных взглядов. Ладно, про Глушь я придумал. Но как минимум на окраине города. В конце дорожки между сараями. На краю лужайки с купырями, чертополохом и зверобоем. Да еще и – это обнаружилось при свете дня – дом стоял на краю глубокого оврага. В такое место точно не забредешь по ошибке.

Когда я подошел, Аманда уже успела закатить тележку под навес и подняться на крыльцо. Она выдвинула из-под скамейки синюю эмалированную кастрюлю, достала из нее большой черный железный ключ и вставила в замочную скважину.

– Ну заходи. – Аманда открыла дверь.

Я осторожно ступил на темную веранду, наполненную густым запахом яблок. Широкие половицы заскрипели под ногами. Аманда потопала на крыльце, стряхивая грязь с ботинок, потом шагнула внутрь и закрыла дверь. Дальше пройти было не так-то просто.

– Я и забыла, какой здесь разгром, – фыркнула Аманда.

В прихожей валялись перевернутая табуретка и тяжелый деревянный ящик. Весь пол вокруг них был усыпан яблоками. Аманда осторожно сдвинула их ногой, подняла ящик и стала собирать яблоки в него. Я сначала смотрел, потом, уже второй раз за эту ночь, присел рядом с Амандой помогать.

– Поосторожнее, поосторожнее, – приговаривала Аманда, – это яблоки для Забытых, для них самых – для тебя, для вас... Но теперь придется отправить их в пюре!

– А пюре нельзя разносить в газетах? – Я был горд тем, что понял, кто такие Забытые и как именно Аманда собиралась доставлять им (то есть нам) яблоки.

Ее рука замерла над краем ящика.

– Пюре в газетах? – усмехнулась Аманда. – Придумает же!

– Ну, не прямо в газеты накладывать, а сначала в банки, – объяснил я. – Найти какие-нибудь маленькие плоские баночки, а для верности можно проложить... например, носками.

Аманда глянула из-под бровей и отобрала у меня сочное желто-зеленое яблоко, в которое я уже приготовился впиться зубами.

– Этому еще надо полежать. – Она уложила яблоко в ящик. – Это антоновка. Красивое, правда?

– Антоновка, – повторил я.

– Зимний сорт. Полежат, созреют. На рынке таких не купишь, – с гордостью добавила она. – Завтра доразберем остальные. Те, что без изъянов, завернем в салфетки и оставим на зиму. А из битых мы сварим пюре, и, кстати, действительно неплохая идея... Маленькие плоские баночки... И носки...

У меня внутри разлилось тепло. Я, правда, не решился переспросить, но втайне надеялся, что, говоря «мы», Аманда имеет в виду и меня. Я тоже буду перебирать яблоки и заворачивать в салфетки антоновку. Мы вместе сварим пюре. Как давно никто не говорил «мы», имея в виду и меня! Это звучало совсем по-другому, не как у отца. Не «доедаем-доедаем», а «мы сварим, мы разберем». Насколько же лучше!

Аманда так сосредоточенно складывала яблоки в ящик, что не заметила моей дурацкой улыбки.

– Эх вы, бедняжки, – приговаривала она яблокам. – И как это меня угораздило.

В это время на веранду вышла рыжая полосатая кошка. Она, выгнув спину, подошла к Аманде и с виноватым видом потерлась о ее ногу.

– Ишь, кто пришел. Явилась на место преступления? – сурово сказала ей Аманда. – А Харламовский где прячется? Могли бы и помочь, хулиганье.

– А кто такой Харламовский? – спросил я. – Тоже кошка?

На крыльце послышался стук.

– Легок на помине. – Аманда встала.

Я выглянул в покрашенное облупившейся темно-зеленой краской окно рядом с входной дверью. За окном сидела, нахохлившись, та самая ворона, которую я встретил в саду. Она наклонила голову и снова, уже настойчивее, постучала клювом в оконный переплет.

– Иду-иду! – крикнула Аманда, открывая дверь.

Харламовский перелетел к Аманде и легонько клюнул ее в руку. Аманда пересадил его на шляпную полку и сурово оглядела их с кошкой.

– До утра не смейте ссориться, – сказала она, прежде чем возвращаться к яблокам. – Когда я собралась разносить газеты, эти двое так сцепились, что пришлось их разнимать. Устроили шоу посреди ночи. В прихожей темно, и я совершенно забыла, что поставила ящик на табуретку...

– И ты из-за них всё и уронила.

– Именно. И собирать было уже некогда. Люди не любят, если они проснулись, а газеты нет. Да еще и...

Аманда умолкла и внимательно посмотрела на меня. Я так растерялся от этого ее взгляда, что выронил очередное яблоко. Задержал дыхание и не дышал до тех пор, пока из меня снова не вырвался сотрясший все тело вздох. Аманда нахмурилась и быстро прикрыла волосами уши. И продолжила, укладывая в ящик яблоки, как будто о чем-то самом обычном:

– Да еще приходится прислушиваться, не вздыхает ли на моей территории кто-нибудь новенький. Как, например, на этой неделе.

Я виновато улыбнулся. Кажется, я понял, кого она имеет в виду. Новенький, вздыхающий на территории Аманды, – это был именно я.

Коробка

– Ну вот и всё. – Аманда открыла дверь, ведущую с веранды в дом. – Пошли спать. И ты, Харламовский, ты тоже!

Харламовский каркнул, спикировал с полки почти мне на голову, прихватив меня за волосы когтями, и растаял в темноте дома – внутри виднелись только блики садового фонаря, отраженные в большом окне. Аманда прошла вглубь и зажгла торшер. В стенной нише стояла черная железная кровать, на полу валялись деревянные ящики и матерчатые сумки. Кровать была завалена подушками и застелена темно-синим вязаным покрывалом, смятым посередине. Рядом с кроватью устроился на боку еще один деревянный ящик – на нем лежала стопка книг и стоял стакан с водой. На обложке верхней книги было написано: «Дневник садовода». На стене висели две картины в рамах. На одной были яблоневые ветки, на другой – тонкая веточка, примотанная шпагатом к другой, потолще.

– Так деревья прививают, – объяснила Аманда, поймав мой взгляд. – А Мельба опять валялась на моей кровати! – Она расправила смятое покрывало.

Я попытался погладить крутившуюся в ногах Мельбу, но та шмыгнула под кровать. Аманда зажгла люстру, открыла стоявший у входной двери массивный шкаф и закопалась в него с головой. Я оглядел просторную комнату – похоже, она служила одновременно и кухней, и столовой, и спальней, и мастерской. Перед окном в сад стоял рабочий стол с кастрюлями, стаканами, едой и инструментами. На одной половине стола лежали на разделочной доске лук, несколько морковок и полкочана капусты. На другой – обрезки досок, тиски, молоток и банка с гвоздями. В самом дальнем углу была раковина, а над ней голубой посудный шкафчик с полуоткрытой дверкой – видно, петли разболтались. Посреди комнаты темнела дровяная печь с длинной серой трубой. Пространство от трубы до входной двери занимал обеденный стол из широких досок, окруженный разномастными стульями и табуретками. На стульях лежали картонные коробки, на столе стояли большая корзина яблок и пустые стеклянные банки.

Аманда, ворча, вытащила из шкафа серый матерчатый тюк с толстыми шнурками. С тюком в обнимку она подошла к лестнице в углу комнаты, ведущей на антресоль, забросила наверх тюк, залезла сама и прицепила шнурки к крючкам на стене и перилах антресоли.

– Будешь спать здесь. – Аманда встряхнула тюк. – Этим гамаком не пользовались лет сто. Надеюсь, не порвется.

Да уж, я тоже на это надеялся. Обидно было бы свернуть себе шею, едва выбравшись с Керамической улицы. Но вообще даже интересно. Бессонными ночами я перепробовал много разных мест для сна, от широкого подоконника в зале до коврика под дверью, но в гамаке спать еще не приходилось.

– Скоро утро. – Аманда расправила гамак. – Давай укладываться. Завтра у нас будет много дел.

Тут только я осознал, как устал. Как будто от слов Аманды, особенно многообещающего «у нас», внутри меня щелкнул какой-то замочек, на который была заперта моя усталость. Я так широко зевнул, что качнулся и наступил на хвост путавшейся под ногами Мельбы. Кошка испуганно вскочила на стол и спряталась за корзиной с яблоками. Аманда слезла с антресоли, достала из ящика под кроватью круглую подушку и цветастое сине-зеленое одеяло и сунула их мне.

– Ну всё, спокойной ночи. – Она кивнула в сторону лестницы.

– Спокойной ночи, – ответил я, хотя было уже почти утро.

Неся под мышкой подушку и одеяло, я вскарабкался на темную антресоль, тоже забитую вещами: сломанные стулья, свернутые матрасы, лампы, картонные коробки, корзинки и тюки. Все было покрыто слоем пыли. Похоже, сюда никто не поднимался годами. Я положил подушку

и одеяло в гамак и посмотрел из-за перил вниз. Аманда погасила люстру и легла в кровать, вскоре свет погас и в нише. Я полез в гамак, но в темноте не разобрал, где у него край, и рухнул через него на груду вещей. Груда угрожающе накренилась, и, прежде чем я успел увернуться, с вершины ее прямо на меня с грохотом свалилась картонная коробка. Я только чудом ее поймал.

– Спасите! – заорал я.

– Поосторожнее там, – сонно пробормотала Аманда. Конечно, откуда ей знать, что эта коробка чуть не раздавила меня в лепешку.

Зато Харламовский не спал. Он взлетел на перила антресоли и внимательно уставился на меня черными глазками.

– И нечего таращиться, – буркнул я, опуская коробку на пол.

Харламовский надменно задрал клюв и улетел по своим делам. Я сел рядом с коробкой и заглянул внутрь. Там оказался какой-то странный прибор и еще что-то, в темноте было не разобрать. Я достал из кармана пижамы фонарик и осветил. И разглядел сбоку на коробке записку с обтрепавшимися краями: «Вещи Попова. Не выбрасывать».

Друг тетки Ольги

– Доброе утро! Похоже, кому-то сладко спится, – донесся до меня голос Аманды.

Я открыл глаза, зевнул и потянулся. Было светло: видно, день уже был в разгаре. Снизу прилетел легкий ветерок – Аманда только что вошла. Потом послышался стук – водрузила на стол что-то тяжелое: наверное, корзину яблок. Я свесил ноги из гамака и снова увидел вчерашнюю коробку.

– Харламовский, ты туда или сюда? – поинтересовалась Аманда. Ворона летала через открытую дверь то на веранду, то с веранды.

В конце концов Харламовский взлетел ко мне на антресоль и уселся на перила – точно хотел припомнить поднятый мной ночью шум. Я уже по привычке к его пристальному взгляду и даже скорчил гримасу в ответ. Харламовский перелетел прямо перед моим носом на коробку и с явным интересом уставился на толстый коричневый конверт, видневшийся из-под крышки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.